

Кавказ как единое геополитическое пространство

С незапамятных времен Кавказ рассматривался как один из важнейших геостратегических регионов. Он находится почти в самом центре Евразийского континента, занимая весьма выгодное геополитическое положение на одном из оживленных перекрестков мировых коммуникаций. Это – специфический регион, обладающий особенностями территориально-географического, исторического, социально-экономического, этнонационального, социокультурного, конфессионального и иного характера. Характеристики Кавказа в значительной степени определяются его месторасположением, физико-географическими, территориально-пространственными, климатическими и иными особенностями, которые на протяжении всей истории оказывали и продолжают оказывать глубокое влияние на его этнонациональный состав, исторические судьбы народов и стран, конфигурацию политической карты и т.д.

Проблема единства и фрагментации Кавказа

Крайне расчлененная топография, создающая труднопреодолимые барьеры на пути интеграции различных народностей и племен, во многом помогает объяснить резко этническую разнородность Кавказа, фрагментацию и локализацию этнической идентификации. Этому способствовало и то, что постоянные войны и разного рода конфликты составляли одно из основных занятий проживающих здесь народов, не всегда живущих в мире и согласии и имеющих друг к другу немало претензий территориального и иного характера. Зачастую общинные, племенные, местные, региональные идентичности (например, в Грузии – мегрельская, кахетинская, имеретинская, аджарская и др.) приобретают в этом регионе не меньшую значимость, чем просто политико-гражданская идентичность. Были созданы условия для сохранения весьма широкого спектра разнообразных культур и языков, что стало естественной

основой консервации традиционного образа жизни и оказало значительное влияние на формирование особого менталитета народов Кавказа.

В регионе сошлись ведущие мировые религии, прежде всего христианство и ислам, Запад и Восток, Европа и Азия, Север и Юг. Кавказ отделяет Восточную Европу от азиатских степей и является ареной борьбы между империями и межнациональных конфликтов. В течение многих столетий регион либо находился в эпицентре серьезных геополитических катаклизмов, либо стоял на пути масштабных имперских войн. Борьба за стратегически важный регион сталкивала здесь интересы Византии, Персии, Османской империи, России и Ирана. Причем сами кавказские народы были обречены на поиск геополитических покровителей как гарантов своей безопасности. В свою очередь, этнический и религиозный плюрализм региона создавал для соседних держав благоприятные условия для подчинения тех или иных территорий Кавказа по известной формуле «разделяй и властвуй». Каждая держава могла найти здесь приемлемого сателлита по этническому или религиозному признаку.

В развернувшихся ныне по всему Кавказу, да и не только, дискуссиях, спорах и конфликтах многие их участники для обоснования неких исторических прав на те или иные территории зачастую используют неприемлемые с научной точки зрения приемы и аргументы, произвольно трактуя исторические факты, которые не могут быть подкреплены достоверными документами. Например, азербайджанцы претендуют на Дербент и Южный Дагестан, утверждая, что они составляли исконную территорию Азербайджана, а лезгины Южного Дагестана, в свою очередь, требуют воссоединения территорий нынешнего северного Азербайджана, где с незапамятных времен компактно проживают народы лезгино-язычной группы. Ссылками на историю Карабах обосновывает свое стремление к независимости, а Азербайджан апеллирует к истории в попытках вернуть Карабах в свое лоно. Аргументами о восстановлении исторической справедливости Тбилиси обосновывает свои претензии на территорию Абхазии, ссылаясь на якобы необхазский характер Абхазии до XVII в.

Со своей стороны, абхазы, никоим образом не желающие возвратиться под юрисдикцию Грузии, могут использовать тот факт, что территория нынешней Абхазии была некогда попеременно частью Древнего Рима, Византии и Персии. В разное время с большим или меньшим успехом территорией

пытались завладеть арабы, гегуэзские колонисты. Абхазы могут обосновать свои претензии на суверенитет ссылками на Абхазское царство, существовавшее в IX–X вв. В этой связи уместно напомнить, что с конца XV в. до начала XIX в. Абхазия находилась под властью Турции. Правители Абхазии в той или иной форме и степени (номинальной или действительной) были в вассальной зависимости от некоторых грузинских царств и княжеств или же в союзе с ними. Могут привести и тот довод, что зависимость Абхазии от грузинских царств и княжеств была эпизодической и зачастую номинальной. Уместно напомнить, что в Георгиевском трактате 1783 г. речь шла о «признании верховной власти всероссийских императоров над царями карталинскими и кахетинскими». Что касается Абхазии, то она вошла в состав Российской империи в 1810 г.

Подобная историческая аргументация используется во всех других спорах и конфликтах, определяющих облик современного Кавказа. Результатом такого подхода стало разделение народов региона на автохтонных и пришлых, хозяев и гостей, титульных и нетитульных и т.д.

Экскурсы в дебри истории для поисков обоснований тех или иных позиций по данному вопросу представляют собой весьма шаткий путь доказательства древности одних народов и отказа в этом праве другим народам, тем более построения на этом зыбком фундаменте идеологии государства так называемой титульной нации. Суть состоит в том, что право того или иного народа на территорию проживания определяется не столько историческими прецедентами, сколько самим фактом проживания на этой территории. Тем более вопрос о территориальной принадлежности разных районов Кавказа настолько запутан, что определить, какая из вовлеченных в спор сторон обладает на него «историческим правом», что здесь истина, а что вымысел, представляется весьма трудным, если не невозможным делом.

Историю каждого кавказского народа невозможно рассматривать изолированно, вне рамок общекавказского исторического процесса и того социокультурного фона, который являет собой результат сотворчества всех народов Кавказа. Им никуда не уйти как от своей истории и земли, так и друг от друга. Расположенный на стыке Европы и Азии, Кавказ всегда являлся одним из важнейших регионов разносторонних контактов между странами Ближнего и Среднего Востока, а также с Восточной Европой.

История региона с незапамятных времен характеризовалась переселением и миграцией народов, изменением, порой существенным, ареалов заселения разных народов, непрерывными перекройками государственных границ и т.д. Миграции стали фактором, в значительной степени определявшим этнографический облик Кавказа в различные исторические периоды. И действительно, это регион, через который с глубокой древности проходили многие племена – от киммерийцев и скифов до разнообразных тюркских племен. Часть их оставалась на Кавказе и, смешиваясь с автохтонным населением, создавала новые этнические общности.

По мнению специалистов, в период так называемого Великого переселения народов IV–VI вв. в результате широкомаштабной миграции различных племен на Северном Кавказе сложились четыре этнокультурные общности, условно называемые: закубанская, центральнокавказская, дагестанская и предкавказская. Причем, несмотря на то, что в каждой из них доминирующее положение занимали определенные этнические группы, все они характеризовались пестротой и разнообразием состава. Начало формированию адыго-черкесско-кабардинской этнической общности заложили переселившиеся в Закубанье меоты и частично ассимилировавшиеся сарматы вместе с жившими здесь племенами зихского союза Черноморского побережья. В центральнокавказской этнокультурной общности преобладали адыги, северной – аланы и автохтонные племена горной зоны, сыгравшие более или менее заметную роль в процессе этногенеза карачаевцев и балкарцев, осетин, чеченцев и ингушей, дагестанской – местные племена – предки большинства нынешних горских народов, предкавказской – гуннские племена¹.

Существенные изменения в политическую карту Кавказа были внесены вступлением на мировую авансцену арабов и восхождением Арабского халифата. Завоевав значительные территории и подчинив своей власти народы Кавказа, они оказали весьма заметное культурное и особенно религиозное влияние. С продвижением из степей Центральной Азии на запад в первой половине XI в. сельджуков в истории Кавказа наступил новый период. Приход сельджуков и заселение ими территорий современного Азербайджана и некоторых территорий Армении и Грузии имели своим результатом измене-

¹ История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М., 1988. С. 108–111.

ние этнического состава населения закавказских стран, происходила также тюркизация местного населения, что положило начало формированию тюркоязычной азербайджанской народности. За тюрками последовали нашествия на Кавказ в XIII в. татаро-монголов, которые также оставили свой отпечаток на судьбах народов Кавказа.

Таким образом, историю отношений кавказских народов с сопредельными странами и народами нельзя оценивать как непрерывную череду войн, конфликтов, набегов, завоеваний. Одновременно с древнейших времен между ними устанавливались и осуществлялись взаимоотношения и связи. Немаловажное значение имела внутренняя миграция представителей этносов в различных направлениях, особенно с Северного Кавказа в Закавказье и обратно с Юга на Север. В XIII в. началось переселение в Грузию значительных групп осетин. По летописным данным, осетин, спасавшихся от татаро-монголов бегством, грузинский царь Давид Улу (1249–1270 гг.) поселил одних в Тифлисе, других – в Дманиси, третьих – в Жинвали. В 90-е гг. XIII в. осетины поселились в низовьях р. Б. Лиахвы, и с тех пор они стали органической частью населения Грузинского государства.

В дальнейшем этническая карта региона продолжала претерпевать изменения. Происходил процесс образования более крупных этнических объединений, их постепенной консолидации и народности или территориально-языковые общности, основы которых были заложены в предшествующие периоды. В XV–XVII вв. в силу распространенных в регионе форм ведения земледельческо-скотоводческого хозяйства часть населения Южного Дагестана постоянно мигрировала на южные склоны Главного Кавказского хребта и оседала там на постоянное жительство. Представители горских народов нанимались на военную службу к кубинскому, шекинскому, карабахскому и другим ханам. Существовали смешанные поселения, где совместно проживали представители народов Дагестана и нынешнего Азербайджана. Обычным явлением было, когда абазины Северо-Западного Кавказа, дидой Северо-Восточного Дагестана небольшими группами направлялись в Грузию на сезонные работы. По-видимому, часть из них оседала там на постоянное жительство. Продолжался активный процесс переселения осетин на южные склоны Кавказского хребта. В XV–XVIII вв. неоднократно менялись места расселения различных групп адыгов, кабардинцев, осетин, ногайцев, ингушей, чеченцев и других этнонациональных групп на самом Северном Кавказе.

В то же время имела место миграция представителей народов Закавказья на Северный Кавказ. Уже в XV–XVII вв. наблюдается тенденция к увеличению на Северном Кавказе численности армянских поселенцев. Обосновавшихся среди черкесов в XVI в. на Северо-Западном Кавказе армян местные жители называли «черкесогаями». Численность армян в регионе постоянно увеличивалась за счет выходцев из Турции и Ирана. К концу XVIII в. относится начало процесса переселения «черкесогаев» из горных районов Закубанья в Нахичевань-на-Дону (современный Ростов), а также на Черноморское побережье. Основные потоки армян направлялись в районы Притеречья¹.

В XVIII в. постепенно шел процесс переселения на Северный Кавказ грузин. Оказавшееся здесь грузинское население постепенно стало пополняться за счет новых переселенцев из числа грузин, служивших до 1735 г. в Гиляни, Дербенте и Баку и ушедших с русскими войсками после того, как они оставили западное побережье Каспия. Позже к ним стали присоединяться также мигранты из самой Грузии, а также пленные, бежавшие из Крыма, Дагестана, Кабарды, Чечни и других районов. Они концентрировались в основном в Кизляре и Моздоке.

Следует отметить также, что в течение многих столетий этнические образования не были столь устойчивы и крепки связи, чтобы объединиться на длительное время. Для них эфемерные квазигосударственные, субгосударственные формы правления были не исключением, а правилом. Их члены разделяли общее название, общий миф о происхождении, общую историю и специфическую культуру, при этом ассоциируя себя с конкретной территорией. Естественно, они разделяли также общее чувство солидарности, хотя и не в современном государственно-политическом понимании этого слова. Для средневековых грузин и армян, например, идентичность выражалась прежде всего в религиозных терминах. Независимо от того, жили ли армяне на собственно армянской территории или территориях, контролируемых грузинскими князьями, они как в собственных глазах, так и в глазах окружающих идентифицировались как приверженцы армянской монофиситской, а не грузинской православной церкви.

В данном контексте небезынтересно отметить, что Грузия, когда в период царицы Тамары достигла своего зенита, была

¹ История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М., 1988. С. 278, 306, 373.

полиэтнической страной, которая включала как армян, так и разнообразные мусульманские народы. Грузины для обозначения своей страны не использовали современное слово «Сакартвело» вплоть до XIV в., когда были объединены в одно целое восточная Грузия (Картли) и западная Грузия (Имеретия) под началом единого монарха. На территории современной Грузии более или менее самостоятельные княжества сохранились под сюзеренитетом Османской империи на западе и иранским – на востоке. С приходом русских в конце XVIII – начале XIX в. оставшиеся грузинские князья потеряли свои троны.

В отличие от грузин, которые компактно жили на своей исторической территории, армяне, разбросанные по трем империям – Османской, Персидской и Российской, – нигде не составляли компактного большинства, кроме как на территориях вокруг Еревана, где в результате миграций в ходе серии русско-турецких войн они заняли господствующие позиции. В течение нескольких столетий после вторжения в Закавказье турок-сельджуков в XI в. армянский нобилитет сильно сократился, часть его выжила в Малой Армении – Киликии на побережье Средиземного моря, а другая – служила грузинским царям в качестве воинов, правителей тех или иных областей или купцов. В XIV в. Армения потеряла свою государственно-политическую идентичность.

Что касается территории нынешнего Азербайджана, то во второй половине XVIII в., накануне его присоединения к России, там сложилось около 15 государственных образований – ханств, наиболее крупными из которых были Шекинское, Карабахское и Кубинское. Существовали и более мелкие феодальные владения – наибства и меликства. В первой половине XIX в. там выделялись семь ханств, которые в составе Российской империи были преобразованы в единую Шемахинскую губернию.

Особенно отчетливо этническая и политическая раздробленность была характерна для Северного Кавказа. К началу XIX в. Северный Кавказ оставался политически раздробленным на множество самостоятельных или полусамостоятельных государственных образований. Так, в одном только Дагестане насчитывалось более 10 феодальных владений и несколько десятков союзов сельских общин. В тот период крайней раздробленностью и наличием многих независимых друг от друга обществ характеризовались Чечня и Ингушетия. Такая разобщенность особенно была присуща горным районам, где тейпы объединялись в территориальные союзы или ассоциа-

ции, что служило серьезным препятствием к внутреннему преодолению политической дробности, созданию сколько-нибудь прочных политических объединений.

Разделенными на множество политических образований оставались адыги. Здесь каждый князь или крупный дворянин одновременно являлся и правителем своего владения. То же самое можно сказать о Кабарде, где феодальные отношения были более развиты по сравнению с другими адыгскими областями. Там также отсутствовала централизованная политическая власть. Она по-прежнему была разделена на большую и малую. Причем первая была поделена на три княжеских удела, а вторая – на два между пятью княжескими фамилиями. Во второй половине XVIII в. число уделов увеличилось до шести.

Ногайцы, расселенные на территориях от низовьев Кумы до Верхней Кубани, были разделены на мелкие феодальные владения, управляемые султанами или мурзами. На ряд самостоятельных обществ с собственными организационными формами была разделена Осетия. Шесть обществ существовали в Балкарии, еще несколько – в Карачае, где власть находилась в руках так называемых биев.

Иными словами, политическая и этническая раздробленность сохранялась на протяжении всей истории Кавказа. Все это позволяет сделать вывод, что политическая жизнь здесь вплоть до его присоединения к России в конце XVIII–XIX вв. характеризовалась партикуляризмом, была лишена единой территориально-политической или этнокультурной идентичности. Соответственно, начиная с раннего Средневековья вплоть до XIX в. не могло быть и речи о сколько-нибудь жизнеспособном, выдержавшем испытание временем едином крупном государственном образовании.

Существенные коррективы в судьбы кавказских народов были внесены со времени их присоединения к Российской империи. Постепенно регион, все еще оставаясь ареной острейших международных противоречий, становился проблемой внутренней политики России. После окончания Кавказской войны шел процесс довольно быстрой интеграции Кавказа в состав Российской империи. Во второй половине XIX в., особенно после Крымской войны и поражения движения горцев во главе с Шамилем, Кавказ стал интегральной частью Российской империи. Англия, которая в течение длительного времени конкурировала с Россией в борьбе за Кавказ и за ту часть Центральной Азии, которая под названием Средней

Азии также вошла в состав Российской империи, как бы вышла из игры, сконцентрировав свои усилия на Ближнем Востоке и Индии.

На протяжении всего XIX в. заметно рос поток переселенцев на Северный Кавказ – русских, украинцев и представителей других народов. 10 марта 1866 г. Александром II было утверждено Положение о заселении Черноморского округа, которое предоставило переселенцам различные льготы и преимущества. Возможность основания поселений, хуторов и колоний получили так называемые иногородние: греческие и армянские выходцы из Турции, немцы из Германии и представители других народов. Дальнейшему притоку переселенцев в регион содействовала реформа 1861 г. об отмене крепостного права.

Итак, многие народы Кавказа при вхождении в состав Российской империи либо вовсе не имели государственности в современном ее понимании, либо потеряли свою государственность. Поэтому при образовании новых независимых государств сначала после Октябрьской революции 1917 г. и затем в наши дни, после распада СССР, многие ставили под сомнение их правомерность и легитимность. Например, еще при образовании Азербайджанской демократической республики в 1918 г. не все современники всерьез принимали сам факт формирования нового государства. В частности, лидер Белого движения генерал А.И. Деникин в своих «Очерках русской смуты» писал: «Все в Азербайджанской республике было искусственным, «не настоящим» начиная с названия, взятого взаимобразно у одной из провинций Персии. Искусственная территория, обнимавшая лезгинские Закаталы, армяно-татарские Бакинскую и Елисаветпольскую губернии и русскую Мугань и объединенная турецкой политикой в качестве форпоста пантюркизма и панисламизма на Кавказе. Искусственная государственность. Наконец, искусственно держалось и азербайджанское правительство: первоначально – волею Нури-паши, потом – генерала Томсона и в дальнейшем – просто по инерции»¹.

Подобные позиции получили определенную популярность в наши дни. Однако, как уже указывалось, на Кавказе претензии на исконность тех или иных территорий ссылками на историю зачастую имеют под собой весьма зыбкие основания и не всегда могут служить достаточным основанием для

¹ Деникин А. Очерки русской смуты. М., 1994. С. 325.

претензии на легитимность или нелегитимность того или иного государства. Мы можем, например, как заклинания повторять рассуждения о том, что Азербайджан как государство не существовал вплоть до провозглашения Азербайджанской демократической республики в 1918 г., что он есть «искусственное создание мусаватистов и коммунистов» и т.д. Но никуда не деться от того самоочевидного и неоспоримого факта, что в настоящее время Республика Азербайджан существует как самостоятельное независимое государство, признанное всем мировым сообществом в качестве суверенного и равноправного субъекта международных отношений и, соответственно, международного права.

Если исходить из подобных установок, принимая их в качестве весомого аргумента «за» или «против», то Азербайджан, возможно, не имеет права на существование, поскольку, как уже говорилось, на территории нынешнего Азербайджана до ее присоединения к России существовало 15 ханств и ряд других феодальных владений. Однако невозможно назвать в современном мире хотя бы одно «неискусственное» государство. Профессиональный историк прекрасно знает, что такого самопроизвольно, естественно образовавшегося государства просто не существует. Чтобы убедиться в этом, достаточно обратиться к историческим вехам и перипетиям формирования политической карты современного мира. Кто может утверждать, что Соединенные Штаты Америки, Германия, Франция, Италия, Россия – не искусственные образования, созданные волей и гением сформировавшихся в их границах народов и их руководителей путем переселений, миграций, завоеваний, вторжений, войн, насилий, порабощений, слияний, ассимиляций (как добровольных, так и принудительных) и т.д. и т.п.? Латиноамериканские и африканские государства, Индия, Пакистан (вообще такого названия не существовало), Венгрия, Израиль... Одним словом, этот список в общем и целом совпадает со списком стран-членов Организации Объединенных Наций.

Можно сказать, что такими же искусственными образованиями являются все три южнокавказские республики. Суть вопроса состоит в том, что в реалиях современного мирового порядка нужно исходить не только из исторических или каких-либо иных прав и преимуществ, но и из самого факта существования того или иного государства. Поэтому рассуждения относительно легитимности или нелегитимности того или иного государства не всегда корректно обосновывать ссылками на исторические или иные подобные им аргументы.

Что касается Кавказа, то ни регион в целом, ни Южный и Северный Кавказ в отдельности никогда не были политическими понятиями. Контуры политической карты Кавказа почти всю его историю зависели от исхода борьбы между различными сопредельными с ним империями. Регион действительно обладает определенными, исторически обусловленными, устойчивыми особенностями политического, социокультурного, языкового характера, типологически отличающегося от соседних регионов. Это прежде всего близость исторических судеб, национально-культурных традиций, менталитета, путей эволюции составляющих его народов. Такая специфика прослеживается на протяжении всей писаной истории региона. Она проявлялась и в том, что процесс консолидации и образования этнонациональных групп и народов в регионе состоял в формировании и выживании этих групп народов и не всегда напрямую был связан с государственными образованиями.

Здесь медленно изживались феодальные, патриархальные, клиентелистские и иные элементы социокультурной матрицы и политической культуры, существенно тормозившие развитие экономики и политической системы. Они значительно позже, чем большинство народов Европы, вступили на путь капиталистической модернизации. Живучесть позиций полуфеодальных групп и аристократии в политической жизни, устойчивость консервативных ценностей, конфессионального начала в общественном сознании обусловили особую противоречивость и затянутость процесса утверждения ценностей институтов отношений гражданского общества, рыночной экономики и правового государства.

Немаловажное влияние на политический ландшафт и формирование взглядов народов Кавказа оказывало то, что почти во все времена на Кавказе существовал весьма сложный и запутанный клубок проблем и противоречий, которые слишком часто становились причиной ожесточенных споров и кровавых конфликтов и войн между народами и странами региона. В то же время Кавказ был в некотором роде яблоком раздора между соперничавшими великими державами, граничащими с ним на Западе, Востоке и Юге. Тысячи лет регион составлял либо буферную зону между конкурировавшими империями, либо составную их часть. С незапамятных времен регион был разделен границами между ареалами обитания этносов, принадлежавших порой к различным культурно-цивилизационным кругам, нередко враждебным друг другу: Византия, Парфия, арабы, монголы, тюрки, Персидская, Османская

и Российской империи, христианство и ислам, суннизм и шиизм. Народы, принадлежащие к кавказско-иберийской, тюркской, семито-хамитской семьям, различным ответвлениям индоевропейской семьи, сталкивались здесь, порождая почти неразрешимые противоречия и конфликты.

Что касается современного положения, то нельзя не обратить внимание на то, что само понятие «Кавказ» не имеет четкого определения. Здесь этнонациональные границы не совпадают с государственными и даже с государственно-административными границами. В пространстве Большого Кавказа можно выделить несколько подпространств – географическое, культурно-языковое, историческое, этнонациональное, конфессиональное, экономическое, политическое, которые, взаимодействуя и дополняя друг друга, создают многомерное, обремененное противоречиями, конфликтами и нестабильностью геополитическое пространство. Оно на Юге граничит с Ближне-Средним Востоком, на Востоке – с прикаспийской Центральной Азией, на Западе – с причерноморским регионом.

В политическом плане Кавказ разделен на две части. Северный Кавказ входит в состав Российской Федерации. Три независимых государства: Азербайджан, Армения и Грузия составляет Южный Кавказ. Необходимо учесть и то, что ряд авторов включают в данный регион территории как Северокавказских национальных республик Российской Федерации, так и Ростовской области, Краснодарского и Ставропольского краев. Другие же, исходя из чисто этнодемографических критериев, ограничивают его территориями, заселенными коренными горскими народами, политически оформленными в национальные республики.

Все же весьма трудно, если не невозможно, провести сколько-нибудь четко очерченную линию разграничения между Предкавказьем и Северным Кавказом, если исходить, например, из такого критерия, как ареалы расселения русских и собственно кавказских этносов. Эта связь станет особенно очевидной, если учесть этнодемографический состав населения этих регионов. Как выше указывалось, территории Предкавказья и Северного Кавказа в течение XVII–XIX вв. интенсивно заселялись русскими, украинцами и представителями других народов. Одновременно в Предкавказье шли миграционные потоки как закавказских народов – армян, грузин, азербайджанцев, так и горских народов Северного Кавказа. В Ставропольском и Краснодарском краях значи-

тельную часть населения составляют выходцы из Северокавказских национальных республик и стран Закавказья, сохраняются этнические анклавы автохтонного населения, которые в начале 90-х гг. преобразованы в Республику Адыгея и Карачаево-Черкесскую Республику. В четырех субъектах Российской Федерации – Ставропольском крае, Дагестане, Чечне и Карачаево-Черкесии расселены ногайцы. С другой стороны, реальностью является наличие в довольно большом количестве русского населения в Северокавказских республиках. Более того, в Карачаево-Черкесии и Адыгее русские численно превосходят автохтонное население. Эти реалии нашли отражение, в частности, в том, что после Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. все Северокавказские республики, Ставропольский и Краснодарский края, а также Ростовская область с сохранением ими административной самостоятельности были объединены в Северокавказский экономический район.

Продолжавшиеся в течение многих поколений миграционные потоки с Севера на Юг и с Юга на Север постепенно сделали неопределенной и весьма условной линию разграничения между Предкавказьем и Северным Кавказом. Последний, в свою очередь, служит своего рода связующим звеном между Закавказьем и Предкавказьем. Все три зоны как с Севера на Юг, так и с Юга на Север плавно переходят друг в друга, как бы стирая существующие между ними границы и обеспечивая единство основополагающих характеристик и проблем.

Поэтому при анализе места и роли Кавказа как в мировой политике, так и в политической стратегии России весь регион следует рассматривать как единое целое, безотносительно к государственным, административным, этнонациональным и иным границам, разделяющим его изнутри. Обоснованность такого подхода определяется общностью ряда проблем, существующих в этом регионе: тесные многовековые экономические, культурные, политические и иные связи, а также общность исторических судеб, близость форм, стандартов и стереотипов поведения, особенности менталитета и др. У народов Кавказа есть общие цели и интересы, особенно в плане обеспечения и поддержания в регионе мира и стабильности, преодоления последствий войн и конфликтов, предотвращения нового витка конфронтации, защиты его этнокультурного и природно-экологического своеобразия.

Однако при всем единстве и однородности стоящих перед Кавказом как единым регионом проблем приходится говорить также о довольно широком диапазоне различий между

населяющими его народами и отдельными государствами с точки зрения как природно-географических условий, наличия тех или иных ресурсов, видов хозяйственной деятельности, транспортной инфраструктуры, так и интеллектуального потенциала, качества рабочей силы, менталитета и т.д.

В свете всего изложенного возникает вопрос: можно ли считать Кавказ особой цивилизацией или неким единым культурно-цивилизационным ареалом? Чтобы адекватно ответить на этот вопрос, необходимо определить, что именно понимается под цивилизацией применительно к Кавказу.

Выяснение этой проблемы тем более необходимо в связи с неопределенностью понятия «цивилизация», которое стало характерно для нашей научной и околонучной литературы после введения во второй половине 80-х гг. так называемого цивилизационного подхода. Особенно весомую услугу отечественной пишущей братии в этом плане оказал известный американский политолог С. Хантингтон, который в 1993 г. выступил с нашумевшей статьей «Столкновение цивилизаций». Идеи, сформулированные в статье, несколько позже были им развиты в довольно объемистой книге и достаточно скрупулезно проанализированы в российской и зарубежной литературе. Здесь отмечу лишь то, что лейтмотивом этих идей стал тезис, согласно которому если XX столетие являлось веком столкновения идеологий, то XXI столетие станет веком столкновения цивилизаций или религий, поскольку противоречия, слагавшиеся столетиями, «более фундаментальны, чем различия между политическими идеологиями и политическими режимами». Из этих рассуждений выводился сакраментальный вывод: «следующая мировая война, если она разразится, будет войной между цивилизациями»¹. Разумеется, в доводах Хантингтона, который является весьма эрудированным и серьезным исследователем, есть много здравых и соответствующих реальностям современного мира идей. Но с некоторыми его позициями можно согласиться лишь с определенными, порой немаловажными оговорками.

Как показывает исторический опыт, нередко войны и конфликты оказывались и оказываются наиболее опустошительными не столько на разломах цивилизаций или между различными цивилизациями, сколько в пределах одной и той же цивилизации, одной и той же страны, одного и того же народа, между соседними, зачастую близкими по крови,

¹ *Huntington S. The Clash of Civilizations. N.Y., 1996.*

культуре, языку народами. Как справедливо отмечал Г. Зиммель, «на почве родственной общности возникает более сильный антагонизм, чем между чужими. Взаимная ненависть мельчайших соседних государств, у которых вся картина мира, локальные связи и интересы необходимым образом весьма сходны и нередко должны даже совпадать, часто намного более страстна и непримирима, чем между большими нациями, пространственно и по существу совершенно чужими друг другу»¹. Об этом свидетельствуют многочисленные гражданские войны на протяжении всей писаной истории человечества, которые, как правило, характеризовались жестокостью.

В современном употреблении трактовка понятия «цивилизация» при всей его распространенности и общепринятости характеризуется крайней неопределенностью и расплывчатостью. В настоящее время существует множество противоречащих, а то и исключаящих друг друга определений этого феномена. В 1952 г. американские культурологи А. Кребер и К. Клакхон выделили 164 определения культуры, указав при этом, что в большинстве случаев данное слово употребляется как синоним слова «цивилизация». Это свидетельствует не только о разбросе подходов к разработке определений цивилизации, но и об их нечеткости, неструктурированности и некой зыбкости. По-видимому, эти качества нельзя считать недостатком, поскольку социальная жизнь настолько многообразна и сложна, что ее невозможно охватить какими бы то ни было, даже самыми совершенными, теориями и концепциями.

Необходимо отметить, что сами авторы теорий цивилизации, получивших наибольшую популярность, прекрасно понимали это и не всегда претендовали на законченность, завершенность своих теорий. У Ф. Броделя цивилизация – это «пространство», «культурный ареал», «собрание культурных характеристик и феноменов»², у А. Кребера – модели культуры, основанные на высших ценностях, у П. Сорокина – большие культурные суперсистемы, обладающие центральным смыслом, или ментальностью. А Дж. Тойнби, идеи и концепции которого во второй половине XX в. получили большую популярность, характеризовал цивилизацию как наднациональное «постигаемое поле исторического исследования», как «движение, а не состояние, странствие, а не убежище».

¹ *Зиммель Г. Избранное. Созерцание жизни. Т. II. М., 1996. С. 505.*

² *Braudel F. On History. Chicago, 1980. P. 177, 202.*

Но на этом основании было бы не совсем корректно делать вывод, что цивилизация есть некий миф, искусственная конструкция, лишенная какого бы то ни было позитивного содержания и смысла. При всей неопределенности, дифференцированности и внутренней противоречивости цивилизация и культура, как справедливо отмечал А. Боузмен, представляют собой понятия, относящиеся к самому образу и стилю жизни народов, что цивилизация – это культура в широком смысле слова. Оба понятия включают в себя «ценности, нормы, институты и способы мышления, которым сменяющие друг друга поколения придают первостепенное значение»¹. И действительно, в любом сообществе людей и народов, обозначаемом как цивилизация, можно обнаружить комплекс идей, идеалов, ценностей и норм, составляющих в совокупности некую духовную ось, к которой тяготеют, особенно в центре, важнейшие компоненты данного сообщества. Речь, в сущности, идет об основополагающей парадигме или системе мировоззрения данной цивилизации, определяющей параметры самосознания, жизненный уклад, стереотипы поведения людей, всю систему их социальной регуляции. Ключевую роль в большинстве исторических цивилизаций играла та или иная вера. В совокупности все эти элементы составляют базовую инфраструктуру, способствующую преодолению приверженности местническим, родовым, племенным, этнонациональным и иным партикулярным началам и обеспечивающую универсальность и всеобщность общественных связей.

В этом смысле исторический Кавказ (вынося с некоторыми оговорками Предкавказье за скобки), как представляется, можно рассматривать как культурно-цивилизационный круг, состоящий из множества взаимосвязанных, противоречащих, конфликтующих друг с другом субкультур, этнонациональных, конфессиональных, лингвистических, национально-культурных, региональных и иных элементов и пластов, каждый из которых имеет свою собственную специфическую индивидуальность.

Здесь при общей численности населения не более 30 млн. человек не просто разные этносы и народы, но этносы и народы, принадлежащие к разным языковым семьям – грузины, горские народы Дагестана, вайнахская и адыгская группы и др., относящиеся к иафетической, или кавказско-иберийской,

¹ *Bozeman A.D. Civilizations Under Stress // Virginia Quarterly Review. Vol. 51. Winter 1975. P. 1, 3.*

семье; азербайджанцы, кумыки, ногайцы, карачаевцы, балкарцы и др. – к тюркской; осетины, талыши и др. – к иранской ветви индоевропейской семьи; армяне – к индоевропейской; таты – к семито-хамитской и т.д. Народы Кавказа исповедуют большинство существующих в современном мире религиозных верований: грузины – православие, армяне – монофиситскую ветвь христианства, горские народы Дагестана и народы вайнахской и адыгской групп – суннизм, азербайджанцы – шиизм, таты – иудаизм и т.д.

Поэтому естественно, что установки, ориентации, ценности человека, общества, например, у азербайджанца из Баку, грузина из Тбилиси, армянина из Еревана, лезгина из Зухрабкента могут существенно расходиться, равно как и установки, ориентации, ценности самих представителей каждого из этих народов, проживающих в разных районах. Этим объясняется тот факт, что для Кавказа в течение почти всей его истории характерно наличие весьма сложного и запутанного клубка проблем и противоречий, которые слишком часто становились причиной ожесточенных споров и кровавых конфликтов и войн между народами и странами региона.

Тем не менее, нельзя сказать, что на Кавказе существуют две, три, четыре, множество цивилизаций. Даже признавая, что здесь сохранились фрагменты прежних, древних или средневековых, цивилизаций, важно признать также то, что длительный опыт совместного проживания, общая историческая судьба в значительной степени подвергли нивелировке многие различия глубоко цивилизационного характера. На протяжении всей своей истории кавказские народы испытывали влияния со всех сторон, как с Востока, так и с Запада, как с Юга, так и с Севера. Но Кавказ, впитывая эти чужеземные влияния и по-своему перерабатывая их, стремился не терять своей специфики, возможно, даже больше усиливая ее.

В этом плане он отличается, скажем, от ближневосточных или центральноазиатских культурно-исторических сообществ. Причем Кавказ, по-видимому, следует характеризовать, скорее, как фрагментированное и конфликтное, нежели как единое и целостное образование. В отличие от западных христианских цивилизаций, базирующихся на единой для каждой из них историко-культурной и конфессиональной инфраструктуре, многообразии и разломы коренятся в самой инфраструктуре кавказского культурно-цивилизационного круга. Этим в значительной степени определяется преобладание в регионе конфликтных, центробежных, дезинтеграционных, сепара-

тистских начал над консенсусными, центростремительными, интеграционными началами.

Кавказ – это трансграничное пространство, где веками протекали сложные процессы диффузии культур, обычаев, традиций, ценностей многих народов мира, пограничная зона между различными мирами, но при этом сформировал свойственную только ему уникальность. Вполне естественно, что этническое, конфессиональное, культурное пространство Кавказа в результате смешения внутренних и внешних миграционных потоков не имеет четких границ. Оно не заканчивается на южной государственной границе Российской Федерации или северной границе Южнокавказских государств, но простирается на территорию как Азербайджана и Грузии, так и Российской Федерации. В частности, это пространство включает территории, занятые такими этносами, как абхазы в Абхазии, осетины, проживающие в Южной Осетии, лезгины в Азербайджане и т.д. С точки зрения этнического, традиционного, социокультурного, языкового и других аспектов эти территории могут быть отнесены к Северокавказскому региону, хотя с точки зрения юридически-правового, политического – они входят в состав разных государств. Для Азербайджана это – напряженность в районе северной границы, где в результате распада СССР лезгинский, а отчасти аварский этносы оказались разделенными между Россией и Азербайджаном, для Грузии – увеличение количества конфликтогенных ситуаций в Южной Осетии и Абхазии. Такое положение привело к тому, что на Южном Кавказе наряду с тремя суверенными и признанными мировым сообществом государствами – Азербайджаном, Арменией и Грузией де-факто существуют непризнанное государственное образование Нагорный Карабах, а также после грузино-российской войны в августе 2008 г. де-факто и де-юре – отделившиеся от Грузии Абхазия и Южная Осетия.

***Этнизм и национализм
как структурные составляющие
кавказского геополитического пространства***

Одним из ключевых аспектов, оказывающих существенное влияние на основные направления развития, политические и геополитические контуры современного Кавказа, является возрождение национализма, зачастую принимаю-

щего крайние формы этнизма и трайбализма. Как показывает исторический опыт, национализм может выступать в качестве фактора мобилизации народов на борьбу за свое освобождение, а также источника творческого порыва. Об этом свидетельствует, в частности, и то, что система миропорядка, основанная на инфраструктуре национальных государств, продемонстрировала жизнеспособность и эффективность в течение последних полутора-двух столетий. В то же время национальная идея и национализм могут служить в качестве катализатора разного рода конфликтов, холодных и горячих войн.

Для правильного понимания данной проблемы необходимо отказаться от установки рассматривать национализм и этнизм как неких фантомов, реликтов прошлого, не имеющих почвы в современном мире, несовместимых с настоящим, тем более с будущим. На первый взгляд парадоксально звучит утверждение о том, что национализм при всей своей внешней обращенности в прошлое, к традициям, мифам и т.д. является ровесником и близнецом модернизации, теснейшим образом связанным с промышленной революцией, урбанизацией, становлением гражданского общества и современного государства и т.д. Некоторые авторы утверждают, что нация представляет собой феномен, старый как сам мир, но национально-государственное строительство началось с Ренессанса и Реформации. В современной их трактовке сами понятия «нация», «национализм», «национальное государство», «национальная идея» сложились только в XVIII–XIX вв. Национальное государство в строгом смысле слова лишь в течение последних примерно 200 лет выполняет роль главного субъекта власти и регулятора общественных и политических, в том числе международных, отношений. Современные Германия и Италия вышли на международную арену лишь во второй половине XIX века. Ряд государств (Югославия, Чехословакия, Финляндия, Польша, Прибалтийские страны и др.) появились на политической карте современного мира лишь после Первой мировой войны в результате распада Австрийско-Венгерской, Оттоманской и отчасти Российской империй. Поэтому прав Э. Геллнер, который утверждал, что национализм – это «не пробуждение древней, скрытой, дремлющей силы, а результат новой формы социальной организации, опирающейся на полностью общественные, централизованно воспроизводящиеся высокие культуры, каждая из которых защищена своим государством»¹.

¹ Геллнер Э. Нация и национализм. М., 1991. С. 112.

Ряд важнейших установок национализма, особенно тех, которые призваны обосновать притязания или требования национального самоопределения всех без исключения народов на началах создания самостоятельных национальных государств, на первый взгляд, противоречит тенденциям современного мирового развития, которое характеризуется сокращением властных прерогатив национального государства в пользу наднациональных и субнациональных акторов, глобализацией и интернационализацией важнейших сфер жизни. Тем не менее, в глазах миллионов и миллионов людей он сохраняет притягательность и в этом качестве служит мощным мобилизующим фактором. Но такова участь всех великих мифов, верований и идеологий.

Этим объясняется то, что глобализация и интернационализация имеют своей оборотной стороной возрождение национализма, различных форм фундаментализма, племенных, клановых, местнических и иных приверженностей. Это особенно верно применительно к такому пестрому и многоликому в национально-этническом, конфессиональном, культурном и политическом отношениях региону, как Кавказ.

В данном контексте ирония истории состоит в том, что СССР стал жертвой не только множества своих недостатков, но и того вклада, который он внес в консолидацию ряда кавказских народов. Можно утверждать, что при всех возможных здесь оговорках Советский Союз стал своего рода полигоном не только сохранения, но и формирования и дальнейшего развития нерусских наций. СССР был страной, созданной из отдельных этнополитических образований, неким псевдофедеративным союзом, где этнонациональные группы были лишены фактического политического суверенитета. Однако им были гарантированы территориальная идентичность, образовательные и культурные институты на собственных национальных языках, а также стимулирование местных кадров. Именно в составе сначала Российской империи, а затем СССР этим нациям обеспечивались не только безопасность от внутренних и внешних угроз, но и условия для мирного развития экономики, транспорта, роста численности, национально-культурного развития и т.д. Шел двуединый процесс насильственной модернизации, приведшей, с одной стороны, к превращению аграрных обществ в аграрно-промышленные и городские, с другой – к растущему единству и консолидации титульных наций в союзных республиках.